

О ПРОЕКТАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДУХОВНЫМИ ДЕЛАМИ КРЫМСКИХ ТАТАР В 1865–1869 ГГ.*

ЗАГИДУЛЛИН

Ильдус Котдусович,

д-р ист. наук, зав. отделом новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Министерства образования и науки Республики Татарстан (420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, 7).
E-mail: zagik63@mail.ru

Аннотация. В статье обозначены причины трансформации взглядов руководства Новороссии и Таврической губернии на реформирование управления духовными делами мусульман. Анализируются действия местных властей по установлению контроля над вакуфами упраздненных мечетей, распространению русского образования среди крымских татар, реорганизации Таврического магометанского духовного правления в отделение Таврического губернского правления, прекращению наследственности крымско-татарского духовенства, — проекты всех этих преобразований были разработаны в 1867–1869 годах.

Ключевые слова: крымские татары, Таврическое магометанское духовное правление, вакуфы упраздненных мечетей, медресе, русское образование, мусульманское духовенство, государственно-исламские отношения.

УДК 930.85
DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-25-44

К данной статье требуется ряд предварительных замечаний, без которых невозможно понять побуждения и инициативы чиновников, оказавшихся у руля государственной машины, в отношении мусульман в регионах, а также способы трансляции ими идей, предназначенных органам власти различного уровня, и степень влияния этих инициатив на имперский дискурс.

1. Важным моментом, повлиявшим на национальную политику в отношении крымских татар, явилась вовлеченность региона в орбиту либеральных реформ 1860–1870-х гг., которые, как известно, были ориентированы на «внутренние губернии» и в них проводились, т. е. географические рамки системных преобразований совпадали с внутренними конфессиональными границами административно-территориальных единиц евразийской империи. В связи с этим важен тезис А. В. Ремнева о том, что реформаторы увлеклись идеей распространить преобразования на периферийные зоны, на нерусское

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16011.

население ради новых приоритетов в национальной политике, путем «административной русификации» народов и территорий имперской периферии воплотить в жизнь идеал «единой и неделимой России»¹. Однако мусульмане, имевшие свои религиозные управления (Таврическое магометанское духовное правление — ТМДП — и Омское магометанское духовное собрание — ОМДС), в этот период в административном плане подчинялись конкретным генерал-губернаторствам, и именно местные генерал-губернаторы, а не центральное правительство, определяли тактику, темпы и область планируемых преобразований в отношении мусульман подведомственных им территорий.

2. Ключевым фактором, вызвавшим новые инициативы в сфере реформы управления духовными делами крымских татар, стали принципы разработки центральными органами власти либеральных преобразований, которые носили системный характер и были призваны определить новый облик модернизированной России. Проекты либеральных реформ создавались с учетом международного опыта. Такой подход еще ранее, в период Кавказской войны, взяло на вооружение Министерство внутренних дел (МВД).

Сразу после переезда из Казани в Санкт-Петербург в 1850 г. профессор столичного университета А. К. Казембек по инициативе министра за специальное вознаграждение был привлечен к работе в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий; по свидетельству руководства силового ведомства, известный ориенталист «разрешил много весьма сложных дел»². В частности, по поручению МВД профессор А. К. Казембек составил в декабре 1862 г. «подробный проект положения об управлении духовными делами и веры магометан». Проект был основан на шариате и учитывал мировой опыт существования религиозных институтов, что удачно вписывалось в стратегию правительства по изучению и использованию международной практики как необходимого условия преобразований. Проект А. К. Казембека представлялся чиновникам как теоретическая основа для разработки концептуальных преобразований в сфере отношений между государством и мусульманами, особенно если учесть, что эти мусульмане проживали во «внутренних губерниях», где успешно реализовывались либеральные реформы.

Отметим наиболее важные положения проекта А. К. Казембека, привлекшие внимание чиновников МВД: 1) о том, что, основываясь на шариате, можно признавать только три звания: кади (муфтий есть старший кадий), имам и муэдзин, с подразделением чинов имама, хатиба

¹ Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4(34). С. 6.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1184. Л. 1–1 об.

и простых имамов, всех остальных причислять к духовенству лишь в том случае, если они будут иметь звания, составленные из вышеуказанных; 2) о мечетях и числе их прихожан с объяснением того, какие мечети могут считаться соборными, а какие — простыми, с установлением порядка выдачи разрешений на их строительство; 3) об избрании духовных лиц и их испытании: по шариату муфтий, кадий и хатибы преимущественно должны быть назначаемы светской властью, а имамы — обществом прихода; испытание кандидатов на духовные должности было предложено вовсе отменить¹.

3. Следующим важным фактором, повлиявшим на центральные и таврические власти в 1860-е гг., стали инициативы, исходящие от других генерал-губернаторов, руководивших регионами компактного проживания мусульман. В частности, речь идет о проекте вновь назначенного оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского от 31 января 1867 г., в котором излагались меры по борьбе с распространением мусульманства в восточной части России. Планировалось начать реформы с «усовершенствования» ОмДС, и в качестве первоочередных и неотложных мер предлагалось:

— включить в состав ОмДС знающего татарский язык русского чиновника со статусом должности старшего советника губернского правления, возложив на него обязанности: участие в журнальных постановлениях Собрании, адресованных как по духовным, так и по гражданским делам с правом возложения «вето» на них с последующим рассмотрением таких дел в высших инстанциях; наблюдение за канцелярией собрания и за правильностью делопроизводства;

— назначать членами ОмДС лиц, знающих русскую грамоту, в перспективе — имеющих гимназическое образование, а всю переписку учреждения с духовенством и метрические книги перевести на русский язык;

— за счет средств от сборов мусульман за браки существенно повысить оклады всем сотрудникам ОмДС (кроме муфтия и трех заседателей)², и средства на содержание канцелярии;

— изменить порядок коллегиального рассмотрения некоторых дел, который приводит к медлительности делопроизводства, передав их решение муфтию, председателю Собрании³.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Л. 56–58.

² Секретарю Собрании предлагалось повысить годовой оклад с 280 до 600 руб., каждому из трех столоначальников вместо 168 руб. до 400 руб., а также переводчику — 400 руб., журналисту вместо 141 руб. 36 коп. до 300 руб., писцам и канцелярские расходы на 1073 руб.

³ Докладная записка оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского министру внутренних дел П. А. Валуеву о мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России (31 янв. 1867 г.) // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. / Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. (Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1). М.–Л.: АН СССР, 1936. С. 198–199.

Итак, статус «внутренних губерний» у Тавриды и Волго-Уральского региона, с одной стороны, и проект авторитетнейшего российско-исламоведа, основанный на шариате, — с другой, — вот два главных обстоятельства, которые делали возможным для МВД осуществление системных реформ в области управления духовными делами крымских и волго-уральских мусульман. Министр внутренних дел П. А. Валуев к своему письму за № 855 от 22 ноября 1867 г., адресованному Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу, помимо проекта оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, приложил свой ответ ему (№ 854 от 29 мая 1867 г.), где излагались основные положения проекта А. К. Казембека.

Реформа делопроизводства ТМДП 1865 года

Таврические власти были кровно заинтересованы в улучшении делопроизводства в ТМДП. Дело в том, что согласно действующему законодательству в этом религиозном учреждении постоянно заседали муфтий, кади-эскер и симферопольский кадий, которые обычно собирались на заседания раз в неделю. Остальные уездные присутствовали на заседаниях, созываемых муфтием, ежегодно в январе или феврале, тогда ТМДП работало ежедневно, кроме мусульманских и российских праздников. На заседаниях рассматривались и решались большинством голосов все поступившие в адрес религиозного правления запросы, в том числе те, которые не требовали коллегиального рассмотрения; принятые решения заносились в журнал. В результате терялась оперативность составления ответов, в ТМДП увеличивалась ненужное бумаготворчество, тогда как по этим бумагам могли принять решение муфтий или его помощник — кади-эскер¹.

На основании обращения муфтия Сеита Джелиль-эфенди относительно применения «Временных правил о преобразовании губернских учреждений» от 8 июня 1865 г. к ведению делопроизводства в ТМДП таврический губернатор Г. В. Жуковский инициировал введение упрощенной системы делопроизводства в религиозном учреждении. В 1866 г. таврический губернатор, а в 1867 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор одобрили расширение прав руководства ТМДП с тем, чтобы некоторые полномочия губернатора по решению административных дел были переданы муфтию, а вице-губернатора и начальников отделов — кади-эскеру. Однако министр внутренних дел П. А. Валуев дипломатично высказался за нововведение при соблюдении условий, не приводящих к расширению власти членов ТМДП

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 20–21 об.

и не предоставляющих возможности «к личному произволу и безотчетному заведованию делами и злоупотреблению». «При неудовлетворительности личного состава самого правления легко могут возникнуть новые беспорядки, и могут быть еще большие злоупотребления и запутанность в делах», — считал министр.

По этой причине П. А. Валуев рекомендовал новороссийскому и бесарабскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу составить подробную инструкцию¹, которую, однако, не утвердил.

В результате в ноябре 1868 г. министр внутренних дел разрешил лишь незначительные изменения, предусмотренные инструкцией МВД, разработанной на основе «Временных правил» от 8 июня 1865 г. (параграфы 19, 20, 21, 22, 23)², в них речь шла об общих моментах делопроизводства в ТМДП как российском учреждении³.

Итак, по такому на первый взгляд локальному вопросу неожиданно выявились различия в подходах между центральной и местной властью. Последняя искренне намеревалась провести реформу, позволяющую улучшить делопроизводство в ТМДП, рассматривая муфтия и кади-эскера в качестве российских чиновников, на которых правомерно было бы распространить «Временные правила» в части улучшения устройства губернских учреждений. МВД же подходило к проблеме концептуально и считало, что реформа может привести к ослаблению правительственного контроля над деятельностью религиозного учреждения, и выступало за сохранение прежнего коллегиального принципа

¹ В 1868 г. таврический вице-губернатор А. А. Солнцев составил затребованную министром инструкцию, приложив к ней объяснительную записку. По данному нормативному документу дела, имеющие отношение к составу духовенства (определение и удаление от должности, подсудность, присвоение духовных званий), о мечетях и конфессиональных школах, вакуфах, по-прежнему должны были рассматриваться коллегиальным порядком журналом общего присутствия. А дела, не требующие предварительного рассмотрения и предполагавшие лишь исполнение предписаний правительственных учреждений и должностных лиц, решались на основании резолюций муфтия и кади-эскера. В инструкции был представлен перечень таких дел: доставление сведений из метрических книг, рассылка метрических книг по приходам и требование за них денег, требование дополнительных сведений, нужных для вынесения на заседание ТМДП соответствующего журнального постановления и изучения других случаев предварительного рассмотрения. В категорию вопросов, требующих предварительного рассмотрения, согласно инструкции, вносились дела, имеющие отношение к религиозным обрядам (отправление богослужения, исполнение треб и др.), указанные в ст. 1211 «Уставов духовных дел иностранных исповеданий», не заменяя установленное 1191-й статьей общее собрание уездных кадиев и оставив за мусульманским духовенством власть, предоставленную 1144-й статьей о рассмотрении прав по правилам мусульманской веры на имущество. Подчеркивалось, что все резолюции муфтия и кади-эскера должны были быть подписываемы секретарем ТМДП, который считался представителем правительства в религиозном учреждении (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 8–9, 15–16 об.).

² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 22–25 об.

³ Изменялись формы входящего реестра и описи дел (параграф 19); отменялись настольные реестры, взамен них вводились в каждом столе и у секретаря описи секретных дел по установленной форме (параграф 20); к делам, рассматриваемым в коллегиальном порядке, предварительным составлялись проекты журналов, в которых сжато и кратко излагалась суть обсуждаемого вопроса (параграф 21); проекты журналов составлялись и подавались присутствию за подписью управляющего отделением, члена и делопроизводителя и прежде доклада присутствию не закреплялись подписью секретаря (параграф 22); проект журнала докладывался членом того отделения, в ведении которого находится дело (параграф 23).

рассмотрения запросов. В данном случае возможность улучшения работы религиозного управления, связанная с оперативной выдачей необходимых справок частным и юридическим лицам, не была использована ради сохранения привычного контроля над ним.

Проект особой комиссии 1867 года по распространению русского образования среди крымских татар

В первой половине 1860-х гг. Таврическая губерния была вовлечена в процесс либеральных преобразований правительства Александра II. Вслед за отменой крепостного права здесь в 1864 году была осуществлена судебная реформа, в 1865 году — учреждены земские институты. Руководство Новороссии и губернии включилось в ритм изменений и преобразований, исходящих из столицы империи. Под воздействием либеральных реформ менялось отношение местной элиты к инициативам центральных ведомств, имеющих отношение к «мусульманскому делу» в крае.

Граф Д. А. Толстой, новый министр народного просвещения (с 16 апреля 1866 г.), несмотря на плотный график поездки по Казанскому учебному округу, с 1 по 7 сентября находился в Казани. Именно во время бесед с известным педагогом-миссионером Н. И. Ильминским министр согласился с его взглядами на принципы образования «иностранцев-христиан», а «относительно иностранцев-магометан решено было... не касаясь их религии, заботиться о сближении их с русскими путем усвоения ими русского языка»¹. Практически в то же время в своем отчете за 1866 г. о состоянии учебных заведений попечитель Одесского учебного округа С. П. Голубцов высказался за привлечение в учебные заведения Таврической губернии преимущественно татар с целью большего сближения их с русским населением и «вообще подчинения высшей цивилизации». Его инициатива была поддержана графом Д. А. Толстым, который в своем письме от 13 мая 1867 г. предложил попечителю создать особую комиссию для всестороннего обсуждения этого важного вопроса.

Имелись веские основания для учреждения такой комиссии именно в Симферополе. Дело в том, что чиновники учебного ведомства ранее уже реализовывали несколько проектов по распространению русского образования, ориентированных на различные социальные группы

---

¹ Граф Дмитрий Андреевич Толстой как министр народного просвещения. Посмертные записки бывшего попечителя Казанского учебного округа Петра Дмитриевича Шестакова, 1866–1880 гг. // Русская старина. 1891 г. Т. LXIX, январь-февраль-март. С. 404.

крымских татар¹. Несмотря на то, что эти усилия Министерства народного просвещения (МНП) оказались малорезультативными, в новых общественно-политических условиях следовало воспользоваться полученным бесценным опытом.

С. П. Голубцов предписал начать разработку основ новой школьной политики. В состав комиссии под председательством таврического губернатора были включены пять мусульман (таврический муфтий, кади-эскер, предводитель дворян Евпаторийского уезда Арслан-бей Таши оглу, предводитель дворян Перекопского уезда Абдулвели мурза Карашайский и мурза Али-бей Булгаков)². Утвержденный по итогам двух заседаний — 2 и 5 декабря 1867 г. — проект особой комиссии следует признать, с одной стороны, важным свидетельством, отражающим видение местной чиновничьей элитой перспектив развития системы образования крымских татар в соответствии с новыми веяниями во внутривластном курсе правительства, с другой стороны — компромиссом между представителями элиты крымских татар — членами комиссии — и чиновниками, которые, несмотря на свое численное русско-православное большинство, услышали и учли целый ряд принципиальных предложений мусульман.

«Проект устройства образовательной части у крымских татар» состоял из четырех разделов: 1) о Татарской учительской школе, 2) начальные татарские училища, 3) подготовительный класс при Симферопольской гимназии, 4) татарское отделение при пансионе Симферопольской гимназии³.

В контексте нашего исследования несомненный интерес представляют рекомендации, разработанные данной комиссией. Предлагалось:

- открыть татарскую учительскую школу для подготовки учителей русского языка;
- учредить при Симферопольской гимназии отделение для приготовления татарских детей в гимназию;
- основать при Симферопольской гимназии отделение для детей мурз и «других татар»;
- ввести в медресе (высшие конфессиональные учебные заведения, готовящие духовных лиц) обязательное преподавание русского языка, письма и четырех действий арифметики;
- назначить вакуфные имущества, принадлежащие мечетям, «упраздненные за выводом татар», на содержание учительской школы и учителей русско-татарского языка в медресе, предусмотрев продажу этих

¹ Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX — начале XX в.). Симферополь, 1998. С. 57–68.

² Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 141–142.

³ Там же. С. 146–154.

имущества с целью предоставления полученных сумм «в пользу татарского образования»;

— предоставить право занимать мусульманские духовные должности ученикам, окончившим курс в Симферопольской татарской учительской школе и медресе, где они обучались русской грамоте, что означало бы качественное обновление состава крымско-татарского духовенства.

— предоставить контроль за преподаванием в медресе русского языка дирекции народных училищ губернии, за преподаванием религиозных дисциплин — кади-эскеру, выделив на эти цели «прогоны и суточные из татарских сумм»¹.

Проект был представлен 20 февраля 1868 г. попечителем Одесского учебного округа министру народного просвещения графу Д. А. Толстому.

При этом чиновники Таврической губернии выступили наряду с руководством Одесского учебного округа как разработчики принципов распространения русского образования среди крымских татар, получив возможность довести до сведения правительственных кругов свое видение по этому вопросу и тем самым внести свою лепту в формирование школьной политики государства в отношении мусульман.

Проект реорганизации ТМДП 1869 года

Министр П. А. Валуев в своем письме за № 855 от 22 ноября 1867 г. на имя новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П. Е. Коцебу отмечал, что при изменении существующих постановлений об управлении духовными делами мусульман следовало бы стремиться к установлению по возможности «единства в видах и отношении правительства к магометанам обоих округов». П. А. Валуев также повторил вопрос, заданный в 1861 г. предшественнику П. Е. Коцебу — графу А. Г. Строганову — относительно реформирования ТМДП: «...не следует ли сделать какие-либо изменения в личном составе Таврического Магометанского Духовного Правления или перенести настоящее местопребывание данного религиозного управления», а также пристрастно интересовался его мнением по поводу предложений Н. А. Крыжановского от 31 января 1867 г. «с объяснением, в какой степени и какие из предложенных им мер могут быть применены к таврическим татарам»².

Подготовку встречных предложений П. Е. Коцебу поручил таврическому губернатору генерал-лейтенанту Г. В. Жуковскому. Тот в свою очередь, изучив проект оренбургского генерал-губернатора и стараясь

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 38–40; Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 152–153.

² Там же. Д. 594. Л. 53, 56.

соответствовать новым веяниям внутривластного курса правительства в отношении мусульман, выдвинул несколько концептуальных предложений по реорганизации управления духовными делами крымских татар. Они учитывали в том числе результаты ревизии ТМДП, которую Г. В. Жуковский осуществил в 1867 г. силами чиновников губернского правления и материалы которой о множестве выявленных нарушений в объеме девяти томов были представлены им в МВД¹.

Действуя последовательно, Г. В. Жуковский 11 января 1868 г. организовал в Таврическом губернском правлении всестороннее обсуждение вопроса об ограничении влияния духовенства на местных мусульман, чиновники высказались за реализацию целого комплекса мер в этой сфере.

Как известно, в российском законодательстве были закреплены существовавшие в ханский период иерархия, звания и должности крымско-татарского духовенства. К высшему духовенству относились муфтий, кади-эскер и пять уездных кадиев, приходскому духовенству — хатибы, имамы и муллы (мечетские служители в западных губерниях. — *И. З.*). Низшее приходское духовенство составляли муэдзины и служители при мечетях (ферраши, или каюмы, — сторожа при молитвенных домах, наблюдающие за их чистотой и, в случае отсутствия муэдзина, отправляющие его обязанности). Мударрисы («миодаррисы») — преподаватели медресе и настоятели существующих при них мечетей, гочи — учителя начальных конфессиональных школ, пока состоят в «этом звании», также причислялись к приходскому духовенству. Первые в личных своих преимуществах сравнивались с муллами, вторые — с муэдзинами. Помимо вышеназванных лиц, духовенству также принадлежали начальники текий и шейхи, руководители суфийского тариката².

Теперь было заявлено о необходимости распространения на таврический муфтият норматива численности духовенства при мечетях в округе ОМДС: штаты хатиба, имама и муэдзина — при соборных, имама и муэдзина — при пятивременных мечетях. Главным аргументом для крымских чиновников стало заключение профессора А. К. Казембека, а именно — о составе духовенства у мусульман ханафитского мазхаба (кадий, имам и муэдзин). Именно на этом основании губернское правление высказалось за упразднение других духовных званий и должностей в округе ТМДП: мударриса, гочи, заведующих текий, шейхов, закрепленных ранее в российском законодательстве, предоставив самим прихожанам право заменять их другими лицами по своему усмотрению, т. е. в том числе и недуховного «сословия». Таким образом, было

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 16.

² Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В. В. Вашкевича: сборник документов / сост., авт. предисл., примеч. и сокр., сост. указ. И. К. Загидуллин. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу, 2016. С. 66–67.

предложено коренное обновление состава крымско-татарского духовенства в соответствии с традициями «классического» ханафитского мазхаба. В то же время проявилось стремление губернской администрации увеличить численность налогоплательщиков путем изъятия из льготного списка мударрисов, гочи, заведующих текий, шейхов, при этом все вновь избранные духовные лица должны были пользоваться налоговыми льготами. Следующим пунктом рекомендовалось избирать муфтия из числа образованных и высоко нравственных мусульман сроком на 6 лет, и тем самым отказаться от практики избрания его на пожизненный срок. Третьим пунктом в проекте предлагалось не причислять сыновей таврического муфтия, кади-эскера, уездных кадиев, хатибов, имамов и муэдзинов к неслужащему духовенству, а считать в духовном звании, освободив от налогов лишь сыновей муфтия и его помощника — кади-эскера; неслужащим духовенством считать только лиц, оставивших духовные должности по старости, болезни или по упразднению мечетей. Получалось, что сыновья основной массы духовенства выводились из списка льготников и становились налогоплательщиками. Далее, в 4-м пункте, речь шла об упразднении оставшихся без прихожан вследствие выезда за границу местных жителей и духовенства 184 соборных и 570 пятивременных мечетей, о передаче их зданий ТМДП для продажи¹ (из этого числа 253 опустевшие мечети после тотального выезда ногайцев находились в материковых уездах губернии: Бердянском — 133, Днепровском — 80 и Мелитопольском — 40 мечетей), что означало сокращение имевшихся в губернии до Крымской войны мечетей до 63,3%².

Генерал-губернатор П. Е. Коцебу, поддержав проект губернского правления как соответствующий «видам правительства» документ, солидаризовался с губернатором Г. В. Жуковским, который считал, что для достижения «постепенного освобождения татар от невежественного и фанатического влияния духовенства недостаточно ограничить только состав и права служащего духовенства и сократить цифру мечетей, пользуясь совершившимся упразднением приходов, а необходимы такие общие меры, влияние коих отразилось бы непосредственно на всем татарском населении». В качестве таких основополагающих «общих мер» были названы две. Это распространение образования среди крымских татар в духе сближения с русским населением и преобразование ТМДП³.

В своем всеподданнейшем отчете о состоянии и нуждах Новороссии за 1868 г. генерал-губернатор П. Е. Коцебу писал о необходимости

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 36–37 об.

² Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В. В. Вашкевича: сборник документов. С. 87.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 36–37 об.

скорейшего введения в действие представленных им на усмотрение МНП предложений по улучшению по учебной части крымских татар, в связи с которым находится и поднятый МВД вопрос о преобразовании ТМДП. Это обращение генерал-губернатора получило одобрение императора Александра II, поставившего на документе резолюцию: «Ускорить и то и другое»¹.

Таким образом, обе из указанных П. Е. Коцебу «общих мер» исходили от центральных властей, генерал-губернатор лишь поддержал эти инициативы.

Ожидая утверждения проекта особой комиссии по распространению русского образования среди крымских татар и не желая терять динамику действий, П. Е. Коцебу предписал собрать сведения о вакуфных имуществах, необходимых для разрешения вопроса о продаже тех из них, которые принадлежат упраздненным мечетям. Однако собранные таврическим губернатором через ТМДП сведения за отсутствием точных данных оказались «далеко не полными: ибо значительная часть небольших вакуфных участков, разбросанных по всему Крымскому полуострову, не имеет планов и определение пространства земельных вакуфов основывается лишь на сведениях, полученных от духовных лиц»². На этом основании с целью приведения в порядок информации об этих землях П. Е. Коцебу предложил образовать особую комиссию в составе местных мурз и духовных лиц, хорошо знакомых с положением вакуфов, и при участии лица, назначенного губернской администрацией. Как видно, мотивацией для установления новой модели правительственного контроля за вакуфным имуществом стало намерение использовать доходы от него на нужды образования мусульман. Несомненно, и в концептуальном плане вопросы реформирования системы образования крымских татар в «русском духе», и управления духовными делами мусульман новороссийский и бессарабский генерал-губернатор рассматривал в едином ключе, как составные части внутривосточного курса по усилению контроля и ускоренной интеграции этих религиозных институтов в единое административно-культурное поле империи.

Как было отмечено, другой «общей мерой» по ослаблению влияния мусульманского духовенства на крымских татар было названо преобразование ТМДП. К своей депеше от 26 октября 1869 г. за № 7111 П. Е. Коцебу приложил проект реорганизации религиозного правления, разработанный, видимо, администрацией Таврической губернии. В нем с учетом локализации крымских татар в одной губернии и резкого уменьшения численности духовенства и действующих мечетей после Крымской войны

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 30–30 об.

² Там же. Л. 40 об. — 41.

предлагалось радикальное преобразование ТМДП, конечным результатом которого должна была стать ликвидация его автономии и упразднение данного института в целом. Сразу оговоримся, что новый порядок планировалось ввести в качестве эксперимента временно, сроком на три года, и лишь в случае его успешности, после внесения необходимых уточнений и изменений, придать ему «окончательный характер». При этом в успешности проекта высокопоставленный чиновник не сомневался, был убежден, что реформа не вызовет недовольства среди крымских татар, отмечая, что «нынешнее Духовное правление не пользуется ни доверием, ни уважением татар и признается, особенно в среде образованной части мусульман-мурз, учреждением несостоятельным и не соответствующим своему назначению»¹.

Рекомендованную оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановским меру, направленную на усиление правительственного контроля над религиозным управлением и уменьшение влияния духовенства путем включения в его состав представителя правительства, П. Е. Коцебу посчитал недостаточно эффективной и не обеспечивающей качественного обновления религиозного учреждения в соответствии с целями центральных властей. По его мнению, приписанному чиновнику пришлось бы «вести неравную борьбу с усвоенными учреждением привычками и обычаями»².

Вполне убедительным аргументом в пользу успешности данного проекта являлся тезис П. Е. Коцебу о том, что многие из дел Духовного правления подлежат утверждению губернским правлением. На этом основании генерал-губернатор предлагал присоединить ТМДП к Таврическому губернскому правлению, точнее, превратить религиозное управление в особое отделение данного учреждения, подчинив его общему губернскому надзору. Такого рода преобразование казалось тем более своевременным, что ожидалась общая модернизация губернских правлений, в рамках которого целесообразно было бы провести инкорпорацию Духовного правления в состав Таврического губернского правления³.

Согласно проекту ТМДП трансформировалось в отделение в полном составе: председатель — таврический муфтий — становился заведующим отделением, а члены — кади-эскер и уездный кадий — превращались в сотрудников, «состоящих в отделении для специальных занятий, подобно тому, как во врачебном отделении состоят оператор и акушер, и в строительном отделении — архитектор». Компетенции сотрудников особого отделения регулировались «Временными правилами

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 42–42 об.

² Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элинь, 2009. С. 197.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 47.

о преобразовании губернских учреждений» от 8 июня 1865 г. Так, муфтий (с правом голоса) и кади-эскер (с правом совещательного голоса) участвовали в заседаниях общего присутствия губернского правления при рассмотрении дел, возложенных на отделение, и именовались членами общего присутствия. Возникла любопытная модель управления духовными делами крымских татар: глава мусульман — таврический муфтий, два других постоянных члена ТМДП становились чиновниками коллегиального губернского правления под председательством губернатора.

Делопроизводство также должно было осуществляться в рамках «Временных правил» от 8 июня 1865 г., за исключением «чисто религиозных дел» (дела о порядке богослужения, обрядах, отправлении духовных треб, заключение и расторжение браков, дела по частной собственности, завещаниям, о разделе наследственных имуществ, неповиновении детей родителям, нарушении супружеской верности), которые рассматривались согласно сложившемуся порядку, т. е. оставались по-прежнему в ведении духовенства, причем для разрешения разногласий, если таковые случались, собиралось общее собрание уездных кадиев¹.

В проекте был четко прописан круг вопросов, ранее относившихся к компетенции ТМДП, а теперь передаваемых в распоряжение губернского правления. На первый взгляд могло показаться, что эти дела находятся как бы в совместном ведении ТМДП и чиновников губернского правления, но в действительности это означало лишение духовенства самостоятельности при принятии решений по этим вопросам. В общем присутствии муфтий имел право голоса, но при голосовании был изначально обречен на меньшинство².

Так, дела о правах и способностях кандидатов на духовные должности, о предании представителей духовенства суду, о вакуфах и профессиональных учебных заведениях должны были решаться постановлениями общего присутствия губернского правления, на заседаниях которого, как уже говорилось, присутствовали муфтий и кади-эскер (с правом совещательного голоса), представляя мусульманское меньшинство. Важно отметить, что такой порядок повлек за собой прежде всего качественные изменения в контроле за вакуфами. Как известно, по циркуляру министра внутренних дел № 217 от 19 января 1846 г., доходы с вакуфных имений находились в свободном распоряжении приходского духовенства и ТМДП не имело права вмешиваться в управление этими суммами, что порой приводило к различным злоупотреблениям со стороны недобросовестных священнослужителей.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 42–42 об.

² Председателем губернского правления был губернатор, постоянными членами являлись вице-губернатор, 2 советника и ассессор, а губернский врачебный инспектор, губернский инженер, губернский архитектор приглашались на заседания по мере необходимости.

Проект расширял права общего присутствия губернского правления по заведованию вакуфами. На основе положения, что они имеют статус казенных имуществ, планировалось передать губернскому правлению контроль над механизмом извлечения доходов с вакуфов как с казенных и общественных имуществ. Это означало необходимость составления подробных описаний этих имуществ и затем передачу их в установленном законом порядке с публичных торгов в аренду, а также контроль над «правильным распределением» полученных доходов, который теперь планировалось осуществлять под надзором губернских чиновников.

Что касается контроля над конфессиональными учебными заведениями — и это самое важное, — то он переходил в ведение губернского правления. С учетом проекта особой комиссии по распространению русского образования среди крымских татар от 1867 г. это был новый шаг в направлении установления реального контроля над образовательной системой мусульман. Получалось, что русские классы при конфессиональных школах курировало учебное ведомство, а сами учебные заведения — губернное правление под председательством начальника губернии, который подчинялся МВД.

Дела же о назначении кандидатов на «уездные духовные должности» (видимо, под этим термином подразумевались должности приходского духовенства), а также вопросы об определении и увольнении чиновников отделения согласно «Временным правилам» от 8 июня 1865 г. по резолюции отделения направлялись на утверждение губернатору. Следовательно, право императора, который прежде утверждал на должностях избранных кади-эскера и таврического муфтия, переходило теперь губернатору.

К третьей категории относились дела по предоставлению сведений из метрических книг, по хозяйственной части отделения, исполнению предписаний и требований различных учреждений и должностных лиц, т. е. все вопросы, не нуждающиеся в предварительном обсуждении. Они оставались в ведении отделения и получали силу закона на основании резолюций муфтия или кади-эскера¹.

Еще одним важнейшим результатом намечаемой реорганизации ТМДП должно было стать прекращение финансирования четырех уездных кадиев. Очевидно, сами должности сохранялись, однако впредь кадии должны были исполнять свои обязанности на общественных началах. Возможно, правда, предполагалось, что в дальнейшем их труды будут вознаграждаться за счет доходов вакуфов. Важно также учитывать, что к решению перечисленных выше мусульманских дел теперь мог быть привлечен весь административный аппарат губернии.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 47 об.—49.

Штат канцелярии нового отделения планировалось учредить с учетом объема делопроизводства — количества поступающих (до 1500) и исходящих (до 2500) бумаг, — в составе одного делопроизводителя, двух помощников, четырех канцелярских служащих и переводчика с татарского языка. Содержание муфтию, кадию и канцелярским работникам устанавливалось в соответствии с нормативами губернского правления.

Таблица 1.
Проект штата отделения магометанских духовных дел
при Таврическом губернском правлении. 1869 г.¹

[Должности]	Числ. лиц	Оклады		Классы и разряды		
		одному	всем	по должности	по мундиру	по пенсии
		руб.	руб.			
Муфтий	1	1500	1500			
Кади-эскер	1	1000	1000			
Уездный кади	1	600	600			
Делопроизводитель	1	600	600	IX	IX	VIII
Помощник его	2	300	600	X	X	IX
Переводчик с татарского языка	1	300	300	X	X	IX
На писцов и канцелярские расходы			1200			
[Итого]			5800			

Как видно из штатного расписания, для таких должностных единиц, как муфтий, кади-эскер и уездный кадий, П. Е. Коцебу не осмелился указать классы и разряды по должности, мундиру и пенсии, что выглядело несколько нелогичным, хотя соответствовало действующему законодательству, по которому пенсии для членов ТМДП не были предусмотрены. В целом члены ТМДП существенно теряли в доходах. Так, согласно разработанному проекту штата отделения, годовой оклад таврического муфтия уменьшался с 2000 до 1500 руб., кади-эскера — с 1500 до 1000 руб., а уездного кадия, наоборот, немного

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 50.

увеличивался — с 500 до 600 руб. Вместо секретаря (XII класс по должности) в штате появлялись делопроизводитель с окладом 600 руб., его помощники, которые, как, например, переводчик с татарского языка, получали по 300 руб. На писцов и канцелярские расходы предусматривалась примерно такая же сумма, как и ранее, — 1200 руб. В целом расходы на содержание нового отделения по сравнению с существовавшими сокращались в два раза: с 12 250 до 5800 руб. Помимо выше-названной экономии за счет уменьшения окладов муфтия и кади-эскера, статья расходов сокращалась на сумму окладов четырех уездных кадиев (1200 руб.), журналиста (архивариуса, оклад 400 руб.), двух столоначальников (по 600 руб.) и аренды здания ТМДП¹.

Министр внутренних дел А. Е. Тимашев² в своем письме от 24 февраля 1870 г. за № 308, адресованном генерал-губернатору П. Е. Коцебу, поддержал учреждение особой комиссии по разработке мер, «которые способствовали бы постепенному нравственному общению крымских татар с русским народом». При этом министр, остерегая от прямолинейных и слишком активных действий, предлагал «обратить особое внимание на одно из главных условий осуществимости подобных предложений, а именно на то, чтобы меры эти не шли вразрез с религиозными убеждениями самих татар и чтобы они обуславливались их собственными интересами»³. А. Е. Тимашев рекомендовал немедленно организовать комиссию из мурз и духовных лиц, хорошо знакомых с положением вакуфов, при участии лица, назначенного губернской администрацией, для приведения в «точную известность» всех вакуфных имуществ⁴.

По поводу проекта реорганизации ТМДП в отделение местного губернского правления А. Е. Тимашев уведомил о своем намерении создать при МВД особую комиссию для всестороннего обсуждения и скорейшего разрешения организации «по мере возможности одинакового устройства управлений духовными делами мусульман обоих округов», одинаковых условий для определения духовенства и постройки мечетей. По мнению министра, в состав комиссии при МВД следовало включить лиц, «теоретически изучавших мусульманское законодательство», т. е. ученых-исламоведов, и лиц, знакомых с практической стороной этого дела. Комиссия была призвана разработать проект устройства управления духовными делами мусульман и провести обсуждение всех относящихся к «мусульманскому делу» частных вопросов. По мнению А. Е. Тимашева, в состав комиссии обязательно должны были войти оренбургский и новороссийский и бессарабский

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 11. 1837. № 8780.

² Смнил П. А. Валуева на этом посту в 1868 г. — *Примеч. ред.*

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 29 об.

генерал-губернаторы, оренбургский муфтий и кто-либо из высших духовных лиц Таврического округа в случае согласия П. Е. Коцебу¹.

Выводы

Таким образом, начиная с 1867 года власти Новороссии и Таврической губернии не видели препятствий для осуществления системных изменений в области государственно-исламских отношений, рассматривая эти преобразования в общей канве либеральных реформ. Одновременно их вдохновлял не менее радикальный проект по реформе исламских институтов, предложенный в 1867 году оренбургским генерал-губернатором. Принцип постепенности, положенный в основу проекта распространения русского образования среди крымских татар, был вызван прежде всего желанием избежать массового бойкота со стороны мусульман этого прогрессивного во всех отношениях нововведения.

Концептуальной основой для составления проекта преобразования ТМДП в отделение губернского правления стал тезис профессора А. К. Казембека об отсутствии в списке религиозных институтов «классического» ханафитского мазхаба религиозных управлений, учрежденных правительством. Иначе говоря — об искусственном характере религиозного управления — института, учрежденного российскими властями для решения определенных политических задач и не имеющего ничего общего с шариатом, соблюдением религиозных прав и свободы вероисповедания мусульман в Российской империи.

В целом инициативы руководства Новороссии и Таврической губернии 1867–1869 гг. логично вписывались в общее русло новой правительственной политики «культурного обрусения» регионов с нерусским населением. Из указанных инициатив в последующие годы получили законодательную поддержку два проекта. Проект особой комиссии по распространению русского образования среди крымских татар был обсужден 2 февраля 1870 г. на заседании Совета министра народного просвещения, и существенно обновленный его вариант получил силу закона под названием «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. Этот закон содержал правовые основы школьной политики правительства в отношении мусульман и «инородцев-христиан» в Казанском и Одесском учебном округах². Идея установления контроля над вакуфами в Таврической губернии с участием представителя губернской администрации, означавшая

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Л. 141.

² Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6 (Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1). М. — Л.: АН СССР, 1936. С. 281–283.

серьезный шаг к изъятию этого направления административной деятельности из компетенции ТМДП, получила в будущем, в 1885 г., законодательное оформление в институте «Особой Комиссии о вакуфах». Причины отказа правительства от реализации рекомендованных властями Новороссии проектов по преобразованию ТМДП в отделение Таврического губернского правления и прекращению наследственности крымско-татарского духовенства требуют специального рассмотрения.

Список сокращений

МВД — Министерство внутренних дел
МНП — Министерство народного просвещения
ОМДС — Оренбургское магометанское духовное собрание
РГИА — Российский государственный исторический архив
ТМДП — Таврическое магометанское духовное правление

Литература и источники

РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594.

РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 605.

РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1184.

Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6 (Татарская АССР. Материалы по истории Татарики второй половины XIX века. Ч. 1). М.–Л.: АН СССР, 1936. LXXX. 512 с.

Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX — начале XX века). Симферополь: Таврия, 1998. 162 с.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой как министр народного просвещения. Посмертные записки бывшего попечителя Казанского учебного округа Петра Дмитриевича Шестакова, 1866–1880 гг. // Русская старина. 1891 г. Т. LXIX, январь–февраль–март. С. 387–405.

Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элиньо, 2009. 432 с.

Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В. В. Вашкевича: сборник документов / сост., авт. предисл., примеч. и сокр., сост. указ. И. К. Загидуллин. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу, 2016. 200 с.

Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Типогр. тов-ва «Общественная польза», 1869. V. 522 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 11. № 8780. Отд-ние 1: От № 8739–9493. 1837.

Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4(34). С. 5–31.

References

Gankevich V. Y. (1998). *Ocherky istorii krimsko-tatarskogo obrazovaniya (reformirovaniye etnokonfessionalnih uchebnykh zavedeniy musulman v Tavricheskoy gubernii v XIX–XX vv.)* [Essays on the History of the Crimean Tatar Education (Reform of the Ethno-confessional Muslim Educational Institutions in the Taurida Governorate in the XIX–XX Centuries)]. Simferopol: Tavriya. 162 p. (In Russian).

Materialy po istorii Tatarii vtoroy polovini XIX veka [Materials on History of Tataria of the Second Half of the XIX century]. Moscow, Leningrad. 1936. P. I. 512 p. (In Russian).

Islam v Krimu: Ocherky istorii funktsionirovaniya musulmanskih institutov. Boytsova E. V., Gankevich V. Yu., Muratova E. S., Hayredinova Z. Z. (2009) [Islam in Crimea: Essays on the History of Functioning of Muslim Institutes. Boytsova E. V., Gankevich V. Yu., Muratova E. S., Hayredinova Z. Z.]. Simferopol: Elinyo. 432 p. (In Russian).

Musulmanskoe duhovenstvo Tavricheskoy gubernii v kontse XIX veka: raport V. V. Vashkevicha: sbornik dokumentov. Sost. I. K. Zagidullin (2016) [The Muslim Clergy of the Taurida Governorate in the End of the XIX century: the Report of V. V. Vashkevich: Collection of Documents. Ed. I. K. Zagidullin]. Kazan': Gosudarstvenniy komitet Respubiki Tatarstan po arhivnomu delu. 200 p. (In Russian).

Sbornik dokumentov i statey po voprosu ob obrazovanii inorodtsev (1869) [The Collection of Documents and Articles on the Issue of Education of Foreigners]. Sankt-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchetvennaya pol'za". 522 p. (In Russian).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 11. № 8780. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy archive (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 821. Inv. 8. Act 594. (In Russian).

RGIA [RSHA]. F. 821. Inv. 8. Act 605 (In Russian).

RGIA [RSHA]. F. 821. Inv. 8. Act 1184 (In Russian).

Remnev A. V. *Tatary v kazahskoy stepy: soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii* (2006) [Tatars in the Kazakh Steppe: Supporters and Opponents of the Russian Empire]. Vestnik Evrazii. Moscow. № 4(34). P. 5–31 (In Russian).

Shestakov P. D. *Graf Dmitry Andreevich Tolstoy* [Graf Dmitry Andreevich Tolstoy]. Russkaya starina. 1891. Coll. 69. Yanvar-Fevral'–Mart. P. 331–405 (In Russian).

PROJECTS OF REFORMING OF MANAGEMENT OF SPIRITUAL AFFAIRS OF THE CRIMEAN TATARS 1865–1869 YEARS

Il'dus K. ZAGIDULLIN,

Dr. Sci. (Hist.), head of the Department of Modern History at Sh. Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7, Baturina Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420014, Russian Federation).

E-mail: zagik63@mail.ru

Abstract. The article deals with the reasons of transformation of views of the administration of Novorossiyska and Taurida governorates on reforming of management of Muslim spiritual affairs in the region. The main reasons are: (1) the status of the territory as an 'internal' province, where the government of Alexander II successfully implemented liberal reforms, (2) the project of unification of spiritual affairs management of the Crimean and Vol-

ga-Ural Tatars as Sunni Muslims, equally belonging to the Hanafi Madhab, proposed by the orientalist A. K. Kazembek, (3) the project of reform, elaborated by the Orenburg Governor-General Kryzhanovskiy (1867), which proposed measures of struggle against the islamization of the East Russia, and (4) aiming of the Russian government at the political 'reforms'.

The author analyzes measures of local authorities (1867–1869) on controlling over Waqf lands of the abolished mosques, on spreading of the Russian education among the Crimean Tatars, on transforming the Taurida Mohammedan Spiritual Board to the section of the Taurida Governorate board, on the disaffirmation of heredity of the Crimean Tatar clergy.

Keywords: Crimean Tatars, the Taurida Mohammedan Spiritual Board, Waqf lands of the abolished mosques, madrasah, Russian education, Muslim clergy, state-Islamic relations.

УДК 930.85

DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-25-44

